

Целью была высоко развевавшаяся в ста чжанах королевская хоругвь тюрков.

Свист рассек воздух. Су Янь поспешно сжал бока коня, железное стремя скользнуло по Цзинфаню, заставив того взметнуться в длинном, болезненном ржании и броситься вниз с возвышенности.

Вдали королевская хоругвь тюрков медленно опала под ветром, поглощённая пламенем, пожиравшим военные шатры.

Он только что успел убедиться, что сбил её, как, подняв глаза, увидел впереди десятка полтора тюркских воинов, движущихся в его сторону. Су Янь, не проронив ни слова, на глаз прикинул расстояние, повесил длинный лук обратно у седла и снова выхватил меч.

Крики и лязг стали не стихали до самого рассвета, пока земля не стала красной от крови.

Су Янь вернулся в Заставу Яньмэнь, весь в крови. Встречавший его Цзинь И, едва увидев, что глаза молодого маркиза почти залеплены кровью и грязью, запаниковал:

— Молодой маркиз, вы не ранены?!

Су Янь спрыгнул с коня:

— Стрела в спину, порез на голени, левое запястье вывихнуто... зато я двадцать человек уложил.

Он произнёс это с небрежной лёгкостью. Цзинь И от изумления глаза округлил, уже собрался что-то сказать, но Су Янь, одной рукой придерживая длинный меч, заковылял к главному шатру. Только тогда Цзинь И заметил, что левое запястье Су Яня неестественно вывернуто. Он тут же хлопнул по плечу стоявшего рядом солдата:

— Чёрти стоят?! Врача ищи!

Медики Гвардии доблестной кавалерии лечили не только людей — к ним же шли с больными армейскими собаками и лошадьми. За долгое время несколько лекарей ко всему привыкли: к любым типам ран, к зрелищам, от которых обычный человек отвернулся бы. Кто бы ни пришёл, какого бы чина ни был раненый, они обрабатывали всех одной и той же безжалостной рукой.

Осмотрев и перевязав раны Су Яня, врач удалился. Су Янь остался лежать на койке, не в силах даже простонать.

Шэнь Чэнцзюнь с размахом уселся рядом и принялся его распекать:

— Ну что, вырос? Возмужал? Королевскую хоругвь сбил? Гляди, в следующий раз повезёт — меня не встретишь, и сразу в герои запишут!

Су Янь слабо улыбнулся ему:

— Как хоругвь упала — они и запаниковали...

Он говорил правду. Королевская хоругвь для тюрков была высшим символом, солнечная голова волка на ней олицетворяла царскую и божественную власть. Пока каган не прибыл лично, хоругвь служила им духовной опорой. Су Янь в одиночку взобрался на высоту, одной стрелой сбил королевское знамя — и тюркские воины в войске словно лишились стержня, почти пали духом.

Весь в поту, Су Янь с горделивым видом подмигнул Шэнь Чэнцзюню:

— И как только люди до такой суеверности доходят? Надо больше книг читать, а то дойдёт до того, что и флаг за божество примут.

Шэнь Чэнцзюнь: «...»

Разоблачать не хотелось, но какой спрос с человека, который даже «Вёсны и осени» до конца не одолел, чтобы другим про «чтение книг» рассказывать?

Гвардия доблестной кавалерии слово сдержала: спустя три дня после прибытия к Заставе Яньмэнь они вышли за её стены. Начав ночной атакой, три тысячи их воинов обратили в бегство два тюркских тумена — почти половина тех полегла в ту же ночь в огне, другую половину лично Су Чжи гнал, преследуя поднявшимися тучами песка; тюрки к такому не готовы были, песок им глаза слепил.

Используя преимущества местности и времени, Су Чжи отогнал их на пятьсот ли от Заставы Яньмэнь, едва не ворвавшись в самую ханскую ставку.

С виду битва была блестящей, но Гвардии доблестной кавалерии она мало что дала. Пусть они и одолели превосходящие силы, в этой, казалось бы, незначительной стычке их главнокомандующий, маркиз Пинъюань Су Чжи, получил тяжёлое ранение.

Гвардия доблестной кавалерии быстро отступила обратно в Заставу Яньмэнь: Су Чжи на поле боя задел снаряд тюркской катапульты и рухнул с коня. Если бы не проворство Янь Наньду, мгновенно подхватившего Су Чжи с земли, того мог бы насмерть затоптать его же собственный боевой конь.

Как только Су Чжи доставили обратно, донесение тут же помчали в Цзиньлин.

Главнокомандующий ранен, но вражда между двумя державами уже разгорелась. Хуянь Ту сдаваться не собирался: он приказал пристрелить вызов на битву к башне Заставы Яньмэнь, объявив, что вернётся с визитом через месяц.

— Главнокомандующему надо возвращаться в Цзиньлин, или на худой конец в Лоян, — твёрдо заявил Шэнь Чэнцзюнь, принимаясь за докладную. — Иначе, если упустим лучшее время, о ногах можно и не мечтать.

Су Чжи возвращаться отказывался, но состояние его резко ухудшилось, и на следующий день он уже не мог подняться. Тогда, посоветовавшись, Янь Наньду и Су Янь оглушили главнокомандующего ударом по шее и влили в него немного так называемого «секретного снадобья с Куньлуня» — чтобы на дороге выпался как следует. Когда Су Чжи очнулся, его уже везла повозка — и был он в Сюйчжоу.

В руке он сжимал записку, выведенную изящным, совсем не похожим на Шэнь Чэнцзюня почерком: «Золотую печать и тигриную бирку я по своему усмотрению оставил А Яню».

Су Янь, «отобравший» военную власть у родного отца, радости не испытывал. Залечив раны, он был вынужден приняться за изучение тактики того самого Ашины. Опасаясь, что тюрки могут ударить в любой момент, он не спал ночами напролёт: днём сходил в спаррингах с Янь Наньду, ночью сражался на песочном поле с Шэнь Чэнцзюнем и Цзинь И.

Он и представить не мог, что наследие Су Чжи перейдёт к нему так внезапно и сумбурно. Но

размышлять было некогда — факты уже свершились. Бремя, казавшееся когда-то недостижимым, теперь тяжело легло на его ещё неокрепшие плечи.

На сей раз это была уже не игра и не простая формальность.

Тем временем в Цзиньлин, с наступлением весны, пришла вторая добрая весть.

Гидротехнические сооружения в округе Цингуан были завершены. Сооружение, названное Дамбой Дунхуа, регулировало множество притоков Хуанхэ. За стенами Дунъяна речные русла были сложны и запутаны; искусственная распределительная дамба, возведённая на месте слияния реки Бяньшуй и Хуанхэ, позволяла направлять потоки, избавляя обширные территории ниже Дунъяна от ежегодных паводков.

По возвращении в Цзиньлин Хань Гуана повысили сразу на три ступени, назначив министром работ. А когда Сяо Янь собрался воспользоваться случаем и пожаловать княжеский титул, Сяо Цичэнь отказался. Казалось, его это вовсе не заботило: он заперся в Чертоге Чэнлань, никого не принимая. Сяо Янь настаивать не стал — раз не хочет княжеского титула, не надо.

Сяо Цичэнь проспал в Чертоге Чэнлань двое суток, едва не размякнув до костей, прежде чем поднялся и немного прошёлся. Ни к кому он не наведалься; Люй-и следовала за ним, сердце её разрывалось между тревогой и радостью.

— Ваше Высочество похудели, зато подросли. Госпожа Жунхуа на небесах наверняка обрадуется, — налила она Сяо Цичэню чаю, обошла сзади и принялась разминать ему плечи. — Кстати, Ваше Высочество уже не ребёнок. На днях Императрица присылала спросить у этой служанки: нет ли у Вас, мол, приглянувшейся девушки? Говорит, уже пора Вам о таких вещах знать.

Сяо Цичэнь замер, перелистывая страницу, и поднял на неё глаза:

— Не надо.

Люй-и игриво улыбнулась:

— Ваше Высочество, чего стесняться?

Сяо Цичэнь и вовсе книгу отложил, глядя на неё серьёзно:

— Право, не надо. Всё это и без учителей узнается, да и думать об этом я сейчас не хочу. Если Императрица спросит, сестра Люй-и, так ей и передай. Всё равно она ко мне благоволит не первый день.

Люй-и протяжно «о-о» и спросила:

— А почему Ваше Высочество от княжеского титула отказались? В детстве ведь всё мечтали: получите титул — и свободнее станете. Если к совершеннолетию ещё и удел дадут, так и вовсе из Тайчэна уедете, по свету путешествовать.

— То в детстве было, — Сяо Цичэнь перед ней не церемонился, немного подумал и сказал:

— А сейчас я кое-чего другого хочу. Получу титул — и будто дело с концом. А тогда уж ничего не изменится, всё так же гладко и пойдёт...

Люй-и, не до конца поняв, кивнула и продолжила разминать ему плечи, пересказывая, что

произошло за те месяцы, что Сяо Цичэнь отсутствовал в Цзиньлине:

— Ваше Высочество, вчера тётя Цуйюй на дворцовую кухню заходила — Император княгине Чу несколько блюд пожаловал. У неё ведь первые роды, говорят, сложно могут пройти, вот специально врача дворцового в резиденцию прислали, чтобы наготове был. Похоже, к маю родит.

— А, старший брат Пин отцом станет. Наверное, счастлив.

— Ещё бы!.. А ещё — в доме маркиза Пинъюань, слышно, молодая госпожа тоже в положении. На днях знатные дамы ко двору Императрицы с визитом приходили, так маркиза вся сияла. По срокам выходит, будто А Янь... то есть молодой маркиз, ещё до похода об этом узнал.

Сяо Цичэнь чуть приподнял веки, неприметно скрыв дурное расположение духа, и бесстрастно произнёс:

— По-твоему выходит, будто ты сомневаешься, что ребёнок Жун — от А Яня.

Люй-и с хитрой улыбкой ответила:

— Служанка от других слышала, просто показалось, очень уж кстати вышло!

Она думала, Сяо Цичэнь по своему обыкновению пошутит в ответ. Но тот промолчал, лишь на губах его застыла отстранённая улыбка, а глаза при дневном свете стали похожи на светлый стеклярус — когда он уставился ими прямо на Люй-и, у той в груди ёкнуло.

Люй-и, спохватившись, что ляпнула лишнего, тут же повалилась на колени:

— Ваше Высочество, простите! Служанка язык распустила!

<http://bllate.org/book/15940/1425172>